

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Юлианна
ШИЛЛЕР

Мой кавказский

ДРУГ МУЖА

18+

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНОЙ РОМАН

Юлианна Шиллер

Мой кавказский друг мужа

«Автор»

2026

Шиллер Ю.

Мой кавказский друг мужа / Ю. Шиллер — «Автор», 2026

Когда безжалостный стратег Руслан выходит на гениального хакера Нику, чтобы найти пропавшую Алину, между ними вспыхивает опасная игра. В мире, где предательство стало нормой, а любовь считается слабостью, они должны выбрать: остаться в безопасной лжи или рискнуть всем ради разрушительной правды?

© Шиллер Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	25
Глава 8	28
Глава 9	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Юлианна Шиллер

Мой кавказский друг мужа

Глава 1

Книга является дополнением истории Алины и Сергея (история бесплатная), которую можно прочесть здесь <https://litmarket.ru/reader/boss-mafii-syn-ot-moego-vraga?page=1>

Можно читать отдельно

РУСЛАН

Три монитора передо мной светятся холодным синим светом, разрезая полумрак кабинета на геометрические фрагменты. Жалюзи опущены, потому что солнце мешает работать, отвлекает, создаёт блики на экранах, и дневной свет остаётся за бортом, там, где живут те, кто верит в иллюзию прозрачности этого мира.

Я же предпочитаю тени, потому что в них проще видеть правду.

Откидываюсь на спинку кресла, потирая переносицу. Привычный жест после нескольких часов работы на пределе концентрации, когда глаза начинают уставать от мерцания экранов, а мысли путаются в лабиринтах чужих жизней.

На столе рядом с клавиатурой стоит чашка эспresso, третья за утро, уже остывшая до температуры безразличия, и я выпиваю её залпом, не морщась от горечи. Мне нужен кофеин, а не наслаждение вкусом.

Слева от мониторов расположилась шахматная доска, партия замерла на середине, фигуры застыли в немом противостоянии. Играю сам с собой, когда нужно переключить мысли, дать мозгу передышку от бесконечного анализа данных.

Белые проигрывают, и я всегда играю за чёрных: мне нравится выигрывать из невыгодной позиции, доказывать, что слабость можно превратить в силу, если знать, как.

Сегодня чёрные проигрывают, и это раздражает больше, чем должно бы.

Год поисков тянется как бесконечная шахматная партия, где противник постоянно на ход впереди, и каждый день превращается в гребаную пытку неопределённостью.

Алина Воронова, или Кира Орлова, или как там её на самом деле звали до того, как Геннадий Воронов превратил её в свою идеальную марионетку, научил лгать, убивать и исчезать без следа.

Сергей поручил мне найти её сразу после исчезновения, и его лицо в тот день вьелось в память намертво: внутри него одновременно что-то рушилось и возрождалось, ярость смешивалась с болью, отчаяние с надеждой, глубоко запрятанной, но всё ещё живой.

Я дал ему слово не просто как консьюери боссу, а как брат брату, и я не привык нарушать обещания.

Первые месяцы были пустыми, словно я пытался поймать призрака голыми руками. Алина исчезла так, будто её никогда не существовало: ни цифровых следов, ни финансовых транзакций, ни единого кадра с камер наблюдения, где мелькнуло бы её лицо.

Первый звонок прозвучал в голове сразу: ей помогали кто-то с серьёзными навыками, профессионал, умеющий обманывать системы безопасности и растворяться в воздухе без следа. Воронов?

Пришлось копать глубже, прочёсывать её прошлое, связи, всех, с кем она контактировала до исчезновения, и я обнаружил аномалию. На следующий день после побега кто-то взломал нашу систему безопасности.

Взлом был не грубым, не в лоб, а изящным, почти хирургическим: записи с камер стёрты в определённые временные промежутки, логи доступа к серверам уничтожены, данные GPS-трекеров перенаправлены так, что они показывали совершенно другие маршруты.

Работа мастера, и я это оценил, даже будучи на другой стороне баррикад.

Год ушёл на отслеживание цифрового почерка этого хакера: я разбирал методы взлома, анализировал используемые инструменты, изучал паттерны поведения в сети, и три месяца назад я наконец вышел на след.

Серия взломов, растянутая на несколько лет, все с одним и тем же почерком. Быстрые, чистые, без лишнего шума. Автор скрывался за десятками прокси-серверов и VPN, но я терпелив и умею ждать.

Две недели назад нашёл её.

Вероника, Ника, "сестра" Алины. Двадцать семь лет, хакер-фрилансер, официально работает консультантом по кибербезопасности для нескольких крупных компаний. С момента пропажи Алины успела выйти замуж за Артёма Волкова, партнёрам одной из наших "дочек" в IT-секторе, живёт в Москве и ведёт тихую, ничем не примечательную жизнь.

Слишком тихую, слишком незаметную для человека с её навыками.

Просматриваю её профиль в соцсетях на центральном мониторе. Фотографии с мужем: они улыбаются, обнимаются, выглядят как идеальная пара, но детали, которые другие пропускают, кричат мне о фальши.

Артём на каждом совместном фото держит руку на её плече или талии, однако его пальцы не сжимают, не ласкают, а просто лежат формально, как реквизит для постановочного снимка, и его взгляд направлен в камеру, а не на жену.

Ника улыбается, но её глаза остаются пустыми. Механическая улыбка для публичного образа скрывает что-то другое, что-то тёмное и болезненное, притаившееся в глубине её взгляда.

Включаю записи с камер наблюдения. Последние три недели я отслеживаю её перемещения с педантичностью энтомолога, изучающего редкий вид бабочки. Ходит в одно и то же кафе каждое утро, заказывает двойной эспрессо, садится за столик в углу, спиной к стене.

Профессиональная привычка контролировать пространство, видеть всех, кто входит и выходит. Я узнаю в этом жесте родственную душу. Достает ноутбук, работает часами, и я не могу видеть её экран, но по движениям пальцев, по скорости, с которой они летают над клавиатурой, понимаю: она не просто отвечает на почту.

Ника кодит, взламывает, строит защиту или, возможно, готовит атаку.

Активирую программу распознавания лиц, просматриваю её маршруты за последний месяц: дом, кафе, офис одного из клиентов, снова домой. Никаких отклонений, никаких встреч с подозрительными личностями, никаких признаков того, что она чего-то боится или от кого-то прячется.

Но три дня назад она изменила паттерн: усилила шифрование своих устройств, сменила пароли, начала проверять, не следят ли за ней, оглядываться через плечо чаще обычного.

Почуяла, умная девочка. Хмыкаю, ставлю пустую чашку на стол, и звук керамики о дерево разрезает тишину кабинета.

Ника Соколова — кто ты на самом деле?

Раскрываю её досье глубже, погружаясь в биографию, которая кажется слишком скучной для человека её возраста. Родилась в Санкт-Петербурге. Отец был профессором математики, мать работала переводчицей.

Оба родителя умерли, когда ей исполнилось шестнадцать. Официальная причина гласит о несчастном случае, но я не верю в несчастные случаи: они слишком удобны для тех, кто хочет что-то скрыть.

После смерти родителей она исчезла из поля зрения на два года, словно провалилась в чёрную дыру, а потом всплыла в Москве уже как фрилансер, без образования в университете, без официальных курсов по программированию, чистая самоучка.

Ещё один красный флаг, потому что таких, как она, не бывает просто так. Её либо учили, либо она научилась сама под давлением обстоятельств, когда выбора не оставалось, и второй вариант говорит о силе воли, которую я не могу не уважать.

Финансовые данные показывают стабильные, но не выдающиеся доходы. Она не богата, но и не бедствует. Никаких крупных покупок, никаких трат на роскошь. Живёт скромно, почти аскетично, и это странно для женщины, которая могла бы зарабатывать в десять раз больше, если бы захотела.

Зачем?

Барабаню пальцами по столу, рассматриваю её фотографию: яркие розовые волосы, пирсинг, вызывающий стиль. Она кричит миру "я не такая, как все", но при этом прячется в тени, и подобное противоречие всегда выводит меня на правду.

Телефон вибрирует, вырывая меня из размышлений. Сообщение от одного из наших людей, которого я приставил следить за Артёмом Волковым. Открываю вложение и замираю.

На фотографии Артём выходит из отеля в центре Москвы в компании молодой блондинки. Они держатся за руки. Он наклоняется к ней, целует в шею с таким выражением лица, которое никогда не демонстрирует рядом с женой.

Время: вчера, 14:37, как раз в тот момент, когда Ника сидела в своём кафе и работала, не подозревая, что её муж трахает любовницу в номере люкс.

Откладываю телефон, скрещиваю руки на груди, прищуриваюсь, пытаюсь собрать пазл.

Она знает?

Скорее всего, да, потому что женщины всегда знают, они чувствуют ложь на уровне инстинктов, просто не всегда готовы признать её вслух, боясь разрушить иллюзию, за которую цепляются.

Вопрос: почему терпит?

Фиксирую пометку в досье: *Проверить Артёма Волкова. Возможная связь с операцией прикрытия. Брак фиктивный?* Если так, то кто стоит за этим? Воронов или кто-то ещё, кто-то, кто использует её как пешку в игре, правил которой она не знает?

Включаю прямую трансляцию. Камера в кафе, где Ника проводит каждое утро, и сейчас 11:47, она должна быть там.

Да, вот она, сидит за своим столиком, спиной к стене, ноутбук открыт, пальцы летают над клавиатурой с гипнотизирующей скоростью. Сегодня на ней чёрная футболка с принтом. Увеличиваю изображение и вижу надпись "*Follow the white rabbit*", отсылку к "Матрице", и я ухмыляюсь, потому что послание слишком уж подходящее для хакера, который живёт на грани реальности и виртуального мира.

Кожаная куртка переброшена через спинку стула, розовые волосы собраны в небрежный пучок, из которого выбиваются отдельные пряди, обрамляя лицо.

Ника хмурится, смотрит на экран с таким сосредоточенным выражением, словно ведёт войну, и, возможно, так оно и есть.

Усиливаю приближение ещё сильнее, пока её лицо не заполняет экран. Точёные скулы, упрямый подбородок, серо-зелёные глаза, сейчас прищуренные от напряжения. Над правой бровью блестит серебряный пирсинг, который она теребит пальцами, когда нервничает.

Ника прикусывает нижнюю губу, теребит колечко в губе кончиком языка. Привычка, которая выдаёт её, когда она думает, и это движение такое произвольное, такое живое, что внутри меня что-то рвётся.

Предохранитель, который я держал на месте годами. Этого не должно было случиться.

Годами я препарирую людей, анализирую, разбираю их жизни на составляющие, вижу их слабости, страхи, желания, использую всё это для достижения целей, и никогда, *никогда* не позволяю эмоциям влиять на работу.

Но сейчас, глядя на эту женщину на экране, я ощущаю нечто странное... Нечто, чего не испытывал уже много лет: притяжение, необъяснимое и иррациональное, которое не имеет ничего общего ни с профессиональным интересом, ни с азартом охотника, нашедшего достойную добычу.

Мне до одури хочется сделать с этим кольцом в ее губе то же, что делает она сама. Челюсти сводит от напряжения, в паху твердеет, и я отрываю взгляд от монитора. Смотрю на шахматную доску, где чёрные фигуры замерли в атаке, а белый король в опасности.

Какого хрена, Руслан?

Она всего лишь инструмент, средство для достижения цели. Я задействую её, чтобы найти Алину, верну Сергею и закрою эту чёртову операцию, которая длится уже год и высасывает из нас всех жизнь.

Просто, логично, эффективно. Но расчёт даёт трещину, когда я снова бросаю взгляд на экран.

Ника поднимает голову от ноутбука, оглядывается по сторонам кафе, и её взгляд скользит по лицам посетителей, задерживается на камере в углу зала. На моей камере.

Смотрит прямо в объектив.

Знаю, это невозможно. Она не может видеть меня, не может знать, что я наблюдаю за ней из своего кабинета, за километры отсюда. Но её взгляд пронзает экран и расстояние между нами, словно она чувствует... Словно на каком-то инстинктивном уровне знает, что за ней охотятся.

Наши взгляды встречаются через пиксели и провода.

Секунда, две, и мой пульс предательски ускоряется. Едва заметно, но я фиксирую каждый удар, слишком сильный, слишком частый. Ладони увлажняются, и я ненавижу себя за эту слабость.

Чёрт.

Потом она хмурится, качает головой, словно отгоняя глупые мысли, и возвращается к работе, а я не могу оторваться.

Провожу ладонью по лицу, массирую переносицу, закрываю глаза, пытаюсь вернуть контроль.

Мне нужен контроль.

Глава 2

РУСЛАН

Десять лет я работаю консьюэри у Сергея Ковалёва, и все эти десять лет я был машиной, стратегом, тем, кто сохраняет контроль, когда мир вокруг тонет в разрухе и крови, не зная ни ошибок, ни эмоций, способных повлиять на решение.

Сейчас, впервые за всё время, я ощущаю, как твёрдая земля превращается в зыбучий песок под ногами.

Из-за женщины, которая помогла врагу Сергея скрыться. Из-за женщины, которую я собираюсь использовать, которой планирую манипулировать, сломать, если потребуется.

Открываю глаза, и нахожу взглядом Нику, которая всё ещё работает, не подозревая, что стала целью для охотника, который и сам начинает сомневаться в правильности своего выбора.

Нет.

Резко встаю из-за стола, отхожу к окну и раздвигаю жалюзи, впуская в кабинет серый свет зимнего дня. Москва за стеклом холодная и равнодушная, небо затянуто облаками, обещающими снег, и город выглядит так, словно готовится к осаде.

Достаю телефон и открываю скриншот с камеры наблюдения, запечатлевший тот самый миг, когда она посмотрела в объектив, и её серьёзное, настороженное лицо дышало дерзкой, непокорной красотой.

Провожу пальцем по экрану, словно могу коснуться её, и это движение такое глупое, такое иррациональное, что я замираю.

Стоп.

Телефон в руке напрягается от силы сжатия, и я закрываю глаза. Делаю глубокий вдох, заставляя себя вернуться в реальность.

Работа есть работа, и теперь, когда цель найдена, а её слабости вскрыты, остаётся лишь действовать, без эмоций, без сомнений и без отклонений от плана.

Возвращаюсь к столу и создаю новый файл на компьютере. Начинаю составлять досье, печатаю быстро, методично, словно набираю приговор:

"Объект: Вероника Соколова (Ника).

Роль: хакер, помогла Алине Вороновой скрыться.

Статус: потенциальный источник информации.

Слабости: эмоциональная привязанность к Алине, нестабильный брак, возможное чувство вины.

План: установить контакт, войти в доверие, задействовать для поиска цели."

Останавливаюсь, и последняя строчка смотрит на меня с экрана, обвиняюще и холодно.

"Задействовать."

Холодное, бесчувственное слово, которое превращает живого человека в инструмент.

Пальцы висят над клавиатурой, взгляд блуждает между экраном, шахматной доской и снова экраном, а я чувствую, как внутри меня идёт война.

Стираю последнюю строчку, печатаю снова:

"План: привлечь к сотрудничеству."

Лучше, мягче, почти человечно. Ложь, конечно, но ложь, в которую я почти готов поверить сам.

Сохраняю файл, беру телефон и нахожу в контактах номер моего человека в полиции, того самого, что уже несколько месяцев по крупицам собирает досье на Воронова и его связи. Набираю сообщение:

"Нужна полная информация о Веронике Соколовой. Всё, что сможешь найти. Детство, связи, финансы, медицинские записи. Копай глубже официальной версии. Мне нужна правда. Срочно."

Отправляю и жду. Ответ приходит через минуту:

"Понял. Два дня."

Всего два дня, сорок восемь часов ожидания, и все карты для начала игры будут у меня на руках.

Отложив телефон, возвращаюсь взглядом к шахматной доске, чтобы сделать свой ход: агрессивный, дерзкий, рискованный выпад чёрным конём на белую ладью.

Но иногда нужно идти ва-банк, чтобы выиграть.

В голове, как всегда, выстраивается холодный и чёткий план, предполагающий сперва доскональное изучение её слабостей и рычагов давления, затем создание повода, который заставит эту слишком умную женщину саму прийти ко мне, после чего её можно будет задействовать для поиска Алины и, наконец, устранить угрозу Воронова, чтобы защитить Сергея.

Просто, логично, эффективно, как всегда.

Но когда я снова представляю её лицо на экране, эти серо-зелёные глаза, полные ярости и боли, внутри меня рождается протест, тихий, но настойчивый.

Вибрация телефона разрывает пелену мыслей, и взгляд цепляется за вспыхнувшее на экране имя Сергея.

Смотрю на экран, колеблюсь секунду, потом принимаю вызов.

— Да.

— Руслан. — В его голосе усталость, но под ней слышна надежда, тонкая, как паутина, но всё ещё живая. — Ну что? Есть что-то?

На мониторе Ника, поглощённая работой в кафе, живёт в блаженном неведении, не зная, что её привычный мир вот-вот рухнет просто потому, что я так решил.

— Есть, — отвечаю ровнее, чем ощущаю внутри. — Вышел на след. Обнаружил человека, который помог Алине исчезнуть.

Тишина на другом конце линии, тяжёлая, как свинец, потом:

— Кто?

— Не поверишь. Женщина. Её сестра Ника. Хакер. Вероника Соколова.

В наступившей паузе его тяжёлое, сдержанное дыхание звучит оглушительно, выдавая отчаянную борьбу с эмоциями, готовыми вот-вот вырваться наружу.

— Ты уверен?

— Да. Цифровой почерк совпадает. Она та, кто взломал наши системы после побега Алины. Профессионал. Очень хороший профессионал.

— Где она?

— Москва. Замужем, работает консультантом. Тихая жизнь. Слишком тихая.

— Ты можешь выйти на неё?

На экране Ника поднимает голову, её взгляд тревожно скользит по залу кафе, а пальцы уже теребят серебряный шарик пирсинга, этим знакомым нервным жестом выдавая всё её напряжение.

Чувствует опасность, как животное чувствует приближение хищника.

— Могу, — отвечаю. — Но нужно время. Она умная и осторожная. Если пойду в лоб, испугается, закроется. Или сбежит.

— Сколько времени?

— Неделя. Может, две. Должен её изучить и найти правильный подход.

Сергей молчит, и я почти слышу, как в его голове идёт борьба между нетерпением и разумом, между желанием действовать немедленно и пониманием, что спешка может всё разрушить.

— Хорошо, — наконец отвечает он. — Делай, что считаешь нужным. Но, Руслан...

— Да?

— Мне нужна Алина. Живой. Я должен знать, где она. Понимаешь?

Закрываю глаза, и вина сдавливает горло, потому что я знаю, что обещаю ему то, что может стоить мне слишком дорого.

— Понимаю.

— Эта Вероника... Если она единственный след, то используй её. Любыми средствами.

Фраза «любыми средствами» отзывается в сознании абсолютным разрешением, и мой взгляд падает на экран, где Ника, напряжённая, как загнанный зверь, резкими, отрывистыми движениями захлопывает ноутбук и натягивает кожаную куртку.

Бойтся, и она права.

— Руслан? Ты слышишь меня?

— Да, — отвечаю тихо. — Сделаю всё, что нужно.

— Знаю. Поэтому и доверяю тебе. Ты единственный, кто никогда меня не подводил.

Вина сдавливает горло ещё сильнее, и я ненавижу себя за то, что не могу признать ему в главном: на этот раз я сам сомневаюсь в своей способности остаться холодным и расчётливым.

— Не подведу и сейчас.

— Знаю. Держи меня в курсе.

Сергей вешает трубку, и я, отложив телефон, возвращаю взгляд к экрану, где силуэт Ники, покинув кафе, мгновенно тонет в людском потоке, а камера беспомощно теряет её из виду.

Откидываюсь на спинку кресла, закрываю глаза и провожу ладонями по лицу, пытаюсь стереть усталость и сомнения.

— Боже, Руслан, — бормочу вслух. — Что ты делаешь?

В тишине, не дающей ответов, я открываю глаза, и взгляд натывается на шахматную доску, на которой чёрный конь уже навис над белой ладьёй, обрекая короля на гибель.

Оставалось лишь понять, кто в этой партии король, а кто конь, которым суждено пожертвовать.

Нахожу в галерее телефона скриншот, с которого Ника смотрит прямо в камеру, на меня. Мой палец скользит по её лицу на холодном экране, будто этим прикосновением можно разрушить стену из стекла и разделяющего нас расстояния.

— Прости, Ника, — шепчу в пустоту. — Но у меня нет выбора.

Ложь, и я знаю это. У меня всегда есть выбор, но я уже сделал его, когда дал слово Сергею и начал эту игру.

Встаю из-за стола и подхожу к окну, наблюдая, как первый снег медленно и бесшумно завоёвывает серую Москву, превращая её в почти красивый пейзаж.

Последний взгляд на скриншот, и я стираю его, ведь эмоции давно стали непозволительной роскошью.

Вернувшись к столу, начинаю готовиться к встрече, методично препарировав её слабости, её страхи и желания, чтобы найти ту единственную трещину в броне, которая позволит сломать её защиту и забрать всё, что мне нужно.

Снег за окном падает всё сильнее, укрывая Москву белым саваном, и я знаю, что игра началась. И я не проиграю, даже если это будет стоить мне всего.

Глава 3

НИКА

Моё убежище пахнет горечью эспрессо и чужими амбициями, а ядовито-ироничное название «Прогресс» идеально подходит для места, где прогрессирует лишь моя зависимость от кофеина и паранойя.

Я выбрала это место не за модную обстановку или десерты с приставкой «эко», а за жизненно важную троицу, которая превращала его дальний угол в мою цифровую берлогу: стабильный сигнал сети, розетки у каждого стола и спасительную мёртвую зону для большинства операторов.

Экран ноутбука, словно отражение моей расколотой жизни, поделен надвое. Справа тлеет нудная поденщина, приносящая деньги: анализ уязвимостей для банковского приложения, которое я вскрываю за семь минут с завязанными глазами, ведь заказчик платит за иллюзию защищённости, а я получаю жалкие крохи и право не думать, что буду есть завтра.

Зато слева пульсирует правда, моя настоящая, неоплачиваемая работа, где в бесконечных лабиринтах кода, системных журналов и схем потоков данных я до изнеможения ищу своих призраков.

Три недели назад мою идеально отлаженную систему обороны пронзил сквозняк, оказавшийся не грубым тараном и не вирусом-вымогателем, а чем-то бесконечно более опасным, рожденным из чужой попытки не взломать, а понять меня.

Он не ломился в дверь, а осторожно пробовал ключи, изучал замки, прошупывал стены на предмет трещин, двигаясь по сети как тень, прячась за каскадом серверов-посредников, постоянно меняя свой цифровой почерк и оставляя за собой ложные следы, ведущие в никуда.

Любитель давно бы сдался или наследил, но этот действовал как холодный, терпеливый профессионал, методично смакуя процесс, подобно гроссмейстеру, разыгрывающему сложный этюд.

Причина не в банковском приложении и не в моих старых грешках из теневой сети, ведь все время тишины я убеждала себя, что они забыли, что Алина растворилась, что мы обе вышли из игры. Наивная дура.

Воронов не забывает, и такие, как он, не прощают, а просто ждут, когда ты расслабишься, когда поверишь в собственную ложь о нормальной жизни. И вот они пришли. За ней. Через меня.

Пальцы, повинаясь уже не разуму, а инстинкту, порхают над клавиатурой, сплетая новую, ещё более сложную паутину. Сигнал летит через Исландию и Малайзию, рождая «цифровых двойников», фантомные цели, которые заставят его гнаться за теньями, пока я заметаю настоящие следы.

В глубинах киберпространства разворачивается безмолвная и невидимая война, где на кону стоит жизнь единственного человека, которого я могу назвать семьёй.

«Алинка, где же ты... отзовись...»

Вибрация телефона на столе вырывает меня из транса, и одного взгляда на имя Артёма на экране хватает, чтобы в груди привычно появился клубок, сотканный из раздражения и глухой, ноющей боли.

«Зай, задержусь на совещании. Буду поздно. Не жди, целую».

«Совещание». Конечно. Я смотрю на обручальное кольцо, скромный бриллиант в оправе из белого золота, мой личный договор с пустотой и страхом, заключённый после исчезновения Алины, когда они едва не сожрали меня заживо.

Артём возник из ниоткуда, красивый, успешный и до одури надёжный, и предложил мне не любовь, нет, он предложил спасительную иллюзию нормальности с её ужинами по распи-

санию, отпусками два раза в год и той самой крепостью с белыми стенами, в которой можно было спрятаться от прошлого.

Я вцепилась в эту иллюзию, как утопающая в спасательный круг, отчаянно желая поверить, что могу быть обычной женщиной с обычными проблемами. Что ж, вот они, мои обычные проблемы: холодный муж и призрак из спецслужб, идущий по моему следу. Злая насмешка судьбы.

Кручу на пальце холодный металл, бесчувственный, как и наш брак.

— Ника, ваш кофе, — голос парня за стойкой, молодого, с татуировкой дракона на шее, звучит слишком громко, и он ставит передо мной четвёртый за сегодня двойной эспрессо, который я даже не заметила, как заказала.

— Спасибо, — выдавливаю, не отрывая взгляда от экрана, хотя сосредоточенность уже испарилась, сменившись липкой, иррациональной тревогой.

Воздух в кафе сгустился, стал тяжёлым, как перед грозой, и мне кажется, что за спиной кто-то стоит, что на меня смотрят. Глупости.

Мой стол в углу, спина защищена стеной, я вижу весь зал: парочку студентов, уткнувшихся в телефоны, двух подруг, перемивающих кости общей знакомой, бизнесмена в дорогом костюме, вещающего в гарнитуру. Ничего подозрительного, никто не смотрит в мою сторону.

И всё же... ощущение не проходит. По затылку ползёт ледяной холодок, безошибочный признак чужого взгляда и издержка ремесла, вьевавшаяся в кровь за годы паранойи. Мои инстинкты, отточенные жизнью на грани, кричат об опасности, а они редко ошибаются.

Медленно поднимаю голову, ещё раз цепко обводя зал, и мой взгляд замирает на камере наблюдения. Её маленький чёрный купол с немигающим зрачком объектива, застывший под потолком в дальнем конце, сегодня кажется мне зловещим глазом Левиафана, неотрывно следящим за мной из темноты.

«Ты сходишь с ума, Соколова», — говорю себе, — «Просто кусок пластика» .

Я больше не могу работать. Пальцы застыли над клавиатурой, строки кода расплываются перед глазами, а моя берлога внезапно превратилась в стеклянную клетку, где я лишь образец, припиленный к стеклу для всеобщего обозрения.

Хватит.

Резким, отрывистым движением захлопываю крышку ноутбука, и хлопок кажется оглушительным в гуле кафе. Быстро сгребаю в сумку зарядку, мышь, телефон, натягиваю кожаную куртку, которая давно стала моей второй кожей, и бросаю на стол несколько мятых купюр, даже не глядя на счёт.

Мне нужно на воздух, мне нужно двигаться. Поднявшись, закидываю сумку на плечо и иду к выходу, заставляя себя не ускорять шаг, не выдавать своего внезапного бегства, хотя кожей чувствую десятки взглядов, даже зная, что никто на меня не смотрит.

Толкаю тяжёлую стеклянную дверь и вываливаюсь на улицу, в серую московскую промозглость, где холодный ветер бьёт в лицо и треплет мои розовые волосы.

Делаю глубокий, судорожный вдох, пытаюсь унять сердце, колотящееся о рёбра, как пойманная птица.

Растворяясь в безликой толпе, иду по тротуару и не могу избавиться от ощущения, что невидимые нити тянутся за мной из этого проклятого кафе, что охотник уже вышел на мой след.

Не знаю, бегу ли я от призраков прошлого или прямо в расставленную для меня ловушку. Но я точно знаю одно: игра снова началась. И на этот раз я не могу позволить себе проиграть.

Глава 4

РУСЛАН

Отель «Метрополь» предстает храмом позолоченной показухи, где в густом воздухе смешались запахи больших денег, просроченных амбиций и парфюма с негласным названием «я-важнее-тебя».

Сегодня здесь разыгрывают очередной цирк под вывеской «Форума по кибербезопасности». Сотни мужчин в одинаково серых, плохо сидящих костюмах кочуют от стенда к стенду, изображая живой интерес к графикам, которые не в состоянии понять.

Они жонглируют словами «блокчейн», «нейросети» и «квантовые вычисления» с тем же напыщенным видом, с каким вчера обсуждали ставки на футбол, укутываясь в облако фальшивой значимости.

Ненавижу эти ярмарки тщеславия, где торгуют не технологиями, а иллюзией контроля, и вся ирония в том, что я здесь с той же целью: продать одну иллюзию, чтобы купить чужую душу.

Мой костюм от Зегна, в отличие от мешковатых пиджаков большинства присутствующих, облегает тело с точностью оружейной кобуры, и я неспешно пересекаю мраморный пол, пока мой взгляд, словно сканер, выхватывает из безликого потока нужные черты, методично отсеивая мусор в поисках цели.

Я замечаю их у стенда с кричащим названием «Цифровая Крепость»: Артём Волков, мой так называемый партнёр по одному из легальных фронтов, и его жена Вероника, моя настоящая цель.

Артём, красивый и до тошноты самовлюблённый, являет собой ходячий шаблон, вооружённый вечной улыбкой продавца подержанных автомобилей и умением говорить правильные слова, жать нужные руки и создавать видимость бурной деятельности.

А вот Ника... Ника стоит рядом с мужем, но их разделяет целая вселенная холода. Её тонкие пальцы добела стискивают бокал с водой, а взгляд, устремлённый в пустоту, лишь притворяется отсутствующим.

Я знаю, что она видит всё: каждое движение Артёма, каждый лживый жест его новой пассивности, анализируя и ненавидя с ледяным спокойствием хирурга. Именно эта сдержанная ярость делает её до дрожи притягательной, пробуждая внутри меня голод.

В моих глазах она не хрупкая ваза, а идеально отлаженный механизм, смертоносное оружие, которое я собираюсь взять в свои руки.

Время для первого хода.

Подхожу к ним с самой расслабленной и дружелюбной миной, на которую только способен мой арсенал.

— Артём, рад тебя видеть, — роняю ровным тоном, не выдавая и тени того презрения, что испытываю к этому человеку.

Он отрывается от созерцания декольте, и его лицо расплывается в радостном узнавании, как у щенка, увидевшего хозяина.

— Руслан! Брат, какими судьбами? Не думал, что ты интересуешься такими скучными вещами.

— Иногда полезно послушать, как люди пытаются продать тебе воздух, — пожимаю его вялую, влажную руку. — Помогает держать ум в тонусе.

— Ха! Это точно! — он хлопает меня по плечу с фамильярностью, которую я ему никогда не позволял. — Позволь представить, моя жена, Вероника. Ника, это Руслан Асланов, мой партнёр и, можно сказать, мозг нашего нового проекта.

Артём говорит это так, будто представляет мне новый дорогой аксессуар, даже не удосужившись взглянуть в её сторону, и он, разумеется, понятия не имеет, что мы уже знакомы. Идеально.

Поворачиваюсь к ней, и наши взгляды сталкиваются в короткой дуэли. В её глазах на долю секунды мелькает узнавание, которое тут же сменяется холодной, непроницаемой стеной. Профессионал. Не выдаст ни себя, ни меня. Чёрт, она великолепна в своей выдержке.

— Вероника, — протягиваю руку, намеренно сокращая дистанцию, чтобы вторгнуться в её личное пространство. — Очень приятно. Хотя, мне кажется, мы где-то встречались.

Её прохладная и сухая ладонь в моей руке ощущается как клеймо, оставленное разрядом тока. Сжимаю её пальцы на мгновение дольше, чем позволяет этикет, и чувствую ответное напряжение её мышц. Простое рукопожатие мгновенно становится безмолвной дуэлью, брошенным вызовом.

— Возможно, — в её спокойном голосе звенят металлические нотки. — Москва — большая деревня.

Ника мягко, но настойчиво высвобождает руку, в то время как Артём уже снова поворачивается к своей блондинке, оставив нас в нашем собственном маленьком пузыре напряжения.

— Ваш муж очень увлечённый человек, — говорю тихо, не сводя с неё глаз, которые теперь кажутся двумя тёмными омутами. — Увлечён новыми технологиями.

Уголок её рта дёргается в ядовитом изгибе, который я нахожу невероятно сексуальным.

— Артём увлекается всем новым. Особенно если у этого «нового» длинные ноги и третий размер груди.

Её прямота бьёт как удар, начисто лишённый игры в скромность и позы обиженной жены. Лишь восхитительная смелость видеть всё и говорить об этом вслух.

— Что ж, вечер перестает быть томным, — позволяю себе лёгкую кривую улыбку. — Увидимся на фуршете.

Отхожу, чувствуя её пронзительный взгляд на своей спине. Наживка в воде. Она заинтригована, в ярости и совершенно одна. Идеальное сочетание для начала игры.

Вечерний фуршет. Зал гудит от многоголосья и звона бокалов, наполненный приглушённым смехом и обрывками бессмысленных разговоров. Я стою у массивной мраморной колонны с бокалом виски, наблюдая за представлением.

Как и ожидалось, Артём, под благовидным предлогом «важнейших переговоров», увёл свою блондинку в сторону уединённых столиков, где «переговоры», судя по всему, будут касаться чего угодно, но только не кибербезопасности.

Оставшись одна, Ника застыла у панорамного окна, и её силуэт на фоне мерцающих огней Москвы является концентрированным воплощением не жалости, а одинокой силы, сжатой до предела, словно пружина, готовая в любой момент распрямиться.

Ставлю пустой бокал на поднос проходящего мимо официанта и беззвучно направляюсь к ней, становясь рядом и тоже устремляя взгляд в окно. Несколько секунд мы молчим, погружённые в тишину, которая кажется громче любого крика в этом зале.

— Вам идёт одиночество, Вероника, — произношу тихо, но так, чтобы она отчётливо слышала меня в общем гуле. — Оно подчёркивает вашу силу.

Она не вздрагивает, лишь медленно поворачивает голову, и её глаза в полумраке кажутся почти чёрными и бездонными.

— А вам идёт наблюдение, Руслан. Оно подчёркивает вашу профессию. Какая бы она ни была.

Её точный, выверенный ответ доказывает, что она не жертва, а равный мне игрок, и впервые за долгие годы это осознание смещает профессиональный азарт на второй план, уступая место чисто мужскому, хищному желанию сломать эту оборону, прорваться сквозь броню и добраться до того, что она так тщательно скрывает.

— Моя профессия — решать проблемы, — делаю шаг ближе, вторгаясь в её личное пространство и улавливая тонкий, терпкий аромат её духов с нотками цитруса и горечи — запах опасности. — А у вас, кажется, намечается серьёзная проблема.

— У меня идеальная жизнь, — она произносит это с такой убийственной иронией, что на моих губах сама собой рождается кривая ухмылка. — Успешный муж, стабильный доход. О каких проблемах вы говорите?

— Я говорю о лжи, в которой вы живёте, Вероника. И вы слишком умны, чтобы не чувствовать, как эта ложь медленно, но верно вас душит.

Она напрягается, и её взгляд становится колючим, как осколки льда.

— Вы переходите границы.

— Границы существуют для тех, кто боится того, что за ними, а вы не боитесь. Вы просто устали притворяться.

Смотрю ей прямо в глаза, не давая отвести взгляд, и вижу, как в их глубине что-то дрогнуло, словно тонкий лёд под тяжестью правды.

— Я знаю, кто ты, Ника. И я знаю, что ты сделала для Алины Вороновой.

Вот оно. Имя, которое повисает в наступившей тишине, как сталь револьвера, приставленного к виску.

Ника заметно бледнеет, на её скулах проступают красные пятна, и она делает резкое движение, чтобы уйти, но я мягко и настойчиво беру её за локоть, ощущая пальцами тепло её кожи сквозь тонкую ткань платья.

— Не сейчас, — шепчу почти интимно, наклонившись к самому её уху. — Не делай глупостей.

Она застывает, и я чувствую, как всё её тело напряжилось, готовое к рывку, словно у пойманного зверя. Достая из внутреннего кармана пиджака телефон и, открыв фотографию, протягиваю ей.

На экране её муж, Артём, стоит на парковке какого-то бизнес-центра и подобострастно улыбается, пожимая руку человеку, которого я знаю слишком хорошо. Этим человеком является Михаил «Седой», один из самых мерзких псов Геннадия Воронова, на чьей совести грехов больше, чем на всей московской братве.

Ника смотрит на экран, и я вижу, как её взгляд профессионального взломщика сканирует картинку, оценивая её на подлинность. Она не задаёт глупых вопросов, подделка ли это, потому что она знает.

Почти слышу, как в её голове с лязгом проворачиваются шестерни анализа, сопоставляя факты, и вижу, как стеклянный пол её мира покрывается густой сетью трещин.

— Твой муж не просто тебе изменяет, — тихо говорю, убирая телефон и возвращая его в карман. — Он тебя продал, сливает Воронову информацию о тебе, о каждом шаге, и я думаю, он даже не представляет, насколько серьёзны эти люди. Он просто мелкая сошка, которая хочет выслужиться, а ты — ставка в его жалкой игре.

Ника молчит, её дыхание становится тяжёлым и прерывистым. Лицо превратилось в непроницаемую маску, но я вижу, как едва заметно подрагивают её губы.

— Что... что тебе нужно? — её голос хриплый, едва слышный, словно она говорит сквозь пелену шока.

— Мне нужна Алина, а тебе нужна правда. И защита. Воронов не оставит тебя в покое, теперь, когда он знает, что ты — ключ к ней, и твой муж втянул тебя в игру, из которой живыми выходят далеко не все.

Наклоняюсь ещё ближе, и мой голос становится ядовитым шёпотом у самого её уха, обжигая кожу.

— Я предлагаю тебе сделку, Вероника. Ты помогаешь мне найти твою подругу, а я помогаю тебе выбраться из этого дерьма. Я дам тебе всё, чтобы уничтожить твоего мужа. И я гарантирую, что люди Воронова тебя не тронут.

Ника медленно поднимает на меня глаза, и в них больше нет страха. Только холодная, расчётливая, всепоглощающая ярость. Ярость, от которой у меня по венам бежит обжигающий, пьянящий азарт.

— Я подумаю, — выдыхает она.

Не говоря больше ни слова, она разворачивается и уходит... резко, чеканя шаг и не оглядываясь. В её гордо выпрямленной спине читается не бегство, а безмолвно принятый вызов.

Смотрю ей вслед, и на моих губах играет хищная улыбка. Я знаю, что она согласится, потому что хакеры не могут устоять перед сложной загадкой, преданные женщины не могут устоять перед возможностью отомстить, а умные женщины всегда выбирают сторону победителя.

Я только что предложил ей самую опасную головоломку в её жизни. Теперь мне остаётся только ждать. Ждать, когда она сама сделает шаг в расставленный мною капкан.

Глава 5

НИКА

Всего за семьдесят два часа жизнь, которую старательно склеивала из обломков, обратилась в горстку пыли, превратив мою квартиру в место преступления.

На паркете россыпью лежат фарфоровые осколки любимой кружки, которую я в приступе бессильной ярости швырнула в стену прошлой ночью, когда Артём снова написал о деловой встрече и не явился ночевать. Оглушительную тишину моего рухнувшего мира прорезал звонкий треск. Я не плакала, ведь слёзы это удел скорбящих, а я начала готовиться к войне.

В соседней комнате спит Артём, мой муж, человек, чьё ровное дыхание когда-то меня успокаивало, а теперь провоцирует приступы тошноты, поднимающейся от самого живота. Я слышу его безмятежное сопение и почти физически ощущаю, как мои пальцы, те самые, что сейчас с лихорадочной скоростью порхают над клавиатурой, вскрывая его жизнь, словно зашифрованный архив, сжимаются на его шее.

Он спит сном праведника, которому завтра снова нужно быть свежим и обаятельным для своих «партнёров», не подозревая, что «завтра» для него уже не наступит, по крайней мере, не в том виде, к которому он так привык.

Я боялась узнать правду о его изменах, потому что в паническом ужасе цеплялась за эту жалкую, хрупкую иллюзию стабильности, и какая же я была круглая, непроходимая идиотка, боявшаяся сквозняка, пока стояла в самом эпицентре торнадо.

Руслан Асланов дал мне нить, а я дёрнула за неё без колебаний, и теперь захлёбываюсь в липком, вонючем дерьме, которое три года наивно называла своим браком.

Артём методично сливал Воронову информацию о моих привычках, страхах и системах защиты, превратив нашу постель в стол для переговоров, а меня в главный лот на аукционе предательства, цена которому составила тридцать сребреников, аккуратно переведенных на кипрский офшор.

Каждая найденная улика, каждая строчка его циничной переписки ощущается как раскалённое клеймо, выжигающее из меня последние остатки той глупой девчонки, что когда-то поверила в пошлую сказку о «нормальной жизни».

Иллюзия нормальности рассыпалась в прах, оказавшись лишь ложью, тщательно сконструированным обманом для слабых, который я больше не желаю слушать. Я не иду просить о помощи, я иду продавать душу дьяволу, и, чёрт возьми, собираюсь выторговать за неё самую высокую цену, какую только можно вообразить.

Ровно в десять утра я уже сижу за столиком у панорамного окна в безликом коворкинге, облачившись в свою броню на сегодня: чёрную шёлковую блузку, застёгнутую на все пуговицы, и идеально отглаженные брюки.

Плотный слой дорогого консилера, скрывающий под глазами тёмные круги от трёх бессонных ночей, превращает моё лицо в безупречную маску спокойствия, в идеальную фарфоровую куклу с тонкой, едва заметной трещиной через всё лицо.

Руслан появляется в 10:01, одетый в тёмные джинсы и кашемировый свитер цвета мокрого асфальта, за который можно было бы купить топовый сервер, и выглядит он обманчиво расслабленно, словно пришёл на встречу со старым другом. Но его глаза, тёмные и внимательные, сканируют меня с такой интенсивностью, что я ощущаю себя редкой бабочкой, припигиленной к бархату коллекционером.

Руслан ставит на стол два бумажных стакана, один для себя, а второй — прямо передо мной, и это двойной эспрессо без сахара. Мой кофе.

Мои пальцы на столе инстинктивно сжимаются в кулак, потому что он знает, конечно, он знает. Ублюдок уже просканировал мою жизнь, от заказов в кофейнях до самых потаенных

привычек, превратив свой маленький жест не в заботу, а в холодную демонстрацию силы, в безмолвное сообщение: «Я знаю о тебе всё».

— Выглядишь так, будто собираешься на похороны, — разрезает он тишину своим низким и бархатным голосом с едва уловимой насмешкой, пока садится напротив. — Надеюсь, не на мои.

— Это будут твои похороны, если потратишь впустую хоть минуту моего времени, — отрезаю, чеканя каждое слово с ледяным спокойствием, и не даю ему увидеть, как этот чёртов стаканчик с кофе выбил почву у меня из-под ног.

— Мне нравится твой настрой, — уголок его рта медленно ползёт вверх, и он откидывается на спинку стула, всем своим видом излучая незыблемую власть. — Слушаю.

Открываю свой кожаный блокнот, где за нацарапанными условиями скрывается моя жалкая, отчаянная попытка вернуть себе хотя бы видимость контроля.

— Первое. Алина. Мне плевать на вашего Ковалёва и его разбитое сердце. Ты лично гарантируешь мне её полную, абсолютную безопасность. От всех. Включая твоего босса.

— Я даю тебе слово, Ника, — он произносит моё имя так, словно пробует его на вкус, словно оно уже принадлежит ему, и что-то ледяное и острое скользит вдоль моего позвоночника.

— Второе. Мой муж. Ты даёшь мне всё, что у тебя есть на него, каждый файл, каждый скриншот, каждую запись. Я хочу не просто развестись — я хочу пустить его по миру, стереть. И мне нужна будет защита, когда он поймёт, кто его слил.

— С наслаждением, — в его глазах вспыхивает хищный, предвкушающий огонёк. — Считаю это моим личным подарком. Мне он тоже никогда не нравился. Что ещё?

Делаю глубокий вдох, собираясь с силами для главного, самого важного удара, который должен очертить границы.

— Третье. Мы — партнёры. И только. Никаких личных отношений, никаких попыток залезть мне в голову или... куда-то ещё. Наше общение — строго в рамках дела, и как только всё закончится, мы больше никогда не увидимся.

Руслан молчит несколько мучительно долгих секунд, а потом его плечи вздрагивают в беззвучном смехе, который жалит унижительнее пощёчины. Наклонившись вперёд через стол, он вторгается в моё личное пространство, и воздух наполняется его запахом, терпким бергамотом и дорогой кожей с ноткой чего-то неуловимо опасного.

— Скажи мне, Ника, — его голос падает до интимного, обволакивающего шёпота, от которого по коже рассыпается мелкая, предательская дрожь. — Кого ты боишься больше? Меня? Или того, что тебе может понравиться игра со мной?

Его вопрос бьёт под дых, вышибая воздух, и я чувствую, как по щекам расплзается предательский жар. В груди закипает глухая ненависть к его пронизательности и к себе за эту унижительную слабость, за то, что моё собственное тело меня предаёт, отзываясь на его близость, на его голос, на тот животный магнетизм, который я не в силах контролировать.

— Я боюсь совершать ошибки, — выдыхаю, вцепившись ногтями в твёрдую обложку блокнота так, что на коже остаются вмятины.

— Слишком поздно, — его взгляд падает на мои губы, и я инстинктивно их облизываю. Ошибка. Его взгляд темнеет от едва скрываемого торжества. — Ты уже стоишь на минном поле, моя дорогая, и я — твой единственный шанс не взлететь на воздух. Так что давай без этого детского сада. Я принимаю твои условия, но у меня есть одно встречное.

— Какое? — с трудом проталкиваю слово сквозь пересохшее, онемевшее горло.

— Честность.

Ошарашенно смотрю на него. Честность? Он? Самая нелепая и циничная шутка, которую я когда-либо слышала.

— В нашем с тобой... партнёрстве, — он словно читает мои мысли, чуть растягивая слово «партнёрство». — Никаких секретов и недомолвок. Ты не пытаешься меня обмануть, а я не играю с тобой в игры за твоей спиной. Всё, что касается этого дела, — на столе. Ты слишком ценный актив, чтобы рисковать им из-за недоверия. Согласна?

Ловушка. Я это знаю, но он предлагает мне правду и защиту, а я жажду ее больше, чем спасения, и понимаю, что не могу, просто не имею права отказаться.

— Согласна, — выдавливаю, и это слово звучит как приговор.

Руслан протягивает мне руку через стол, и в этом жесте нет ничего дружелюбного.

— Тогда, партнёр, сделка заключена.

Вкладываю свою холодную ладонь в его. Его рука горячая, твёрдая, и он сжимает мои пальцы чуть сильнее, чем того требует деловой этикет. Большим пальцем он медленно, почти неощутимо, проводит по нежной коже у основания моего запястья, прямо по пульсирующей венке.

Миг его прикосновения растягивается в вечность, обращаясь не рукопожатием, а раскатанным клеймом, безмолвной заявкой на право собственности.

Вырываю руку, словно обожглась, и прячу её под стол.

— Когда начинаем? — спрашиваю, отчаянно пытаюсь вернуть голосу твёрдость.

Руслан откидывается на спинку стула, берёт свой стакан и делает глоток, его глаза с откровенной насмешкой смотрят на меня поверх бумажного ободка.

— Первый платёж по нашему договору о честности, Ника, — говорит он медленно, смакуя каждое слово, как дорогое вино. — Мы уже начали. В тот самый момент, когда я заказал для тебя двойной эспрессо без сахара. И ты это знаешь.

Глава 6

РУСЛАН

Триста тридцать шесть часов медленного и мучительного горения за эти четырнадцать дней заставили мою хваленую выдержку дать фатальную слабину. Выкованная годами подобно дамасской стали броня пошла непоправимыми трещинами под сокрушительным давлением желания, на которое я не имел ни малейшего права.

Наши встречи проходят в слепых пятнах огромного города, среди продуваемых ветрами заброшенных парковок и в глухих тупиках промзон, где эхо шагов умирает, не родившись, однако чаще всего нашим убежищем становится замкнутый, герметичный мир моего внедорожника.

Я продолжаю лгать самому себе, находя оправдания в паранойе Воронова или требованиях оперативной работы, хотя в глубине души прекрасно понимаю, что просто подсел на эту женщину, как на самый грязный и дорогой наркотик.

Теперь я живу от дозы до дозы, ожидая момента, когда она займет пассажирское сиденье, принеся с собой запах дождя или снега и тот особый, едва уловимый аромат сандала и озона, который въелся в дорожную кожу обивки салона намертво.

Мы затаились на минус третьем уровне парковки в Сити, в глухом бетонном мешке, где время словно останавливается, и я смотрю на нее уже не как куратор, оценивающий эффективность агента, а как голодный зверь, которого слишком долго держали на диете из сухих отчетов.

Внутри машины лишь приборная панель и синий экран ноутбука отбрасывают мертвенный спектральный свет на ее острый, напряженный и до боли желанный профиль, превращая женщину в произведение искусства, к которому смертельно опасно прикасаться.

Пока она работает, выстукивая ритм на клавиатуре, я наблюдаю за ней с жадностью вуайериста: вижу, как нервно дергается уголок ее рта, когда код сопротивляется взлому, и слежу за тонкой голубой веной на ее шее, бьющейся в том самом бешеном ритме, который я до дрожи в руках хочу почувствовать своими губами.

— Нашла, — выдыхает она, не поворачиваясь, и я вижу, как спадает напряжение с ее плеч, уступая место профессиональному триумфу. — Есть след.

Подаюсь вперед, намеренно и грубо вторгаясь в ее личное пространство, так что мое плечо почти касается ее плеча, и даже через слои одежды я чувствую исходящий от нее жар, электризирующий воздух между нами.

— Показывай.

Ника разворачивает ноутбук, и ее тонкий палец с трогательно обкусанным заусенцем тычет в светящийся экран, пока она объясняет:

— Алина невероятно осторожна, она не оставляет цифровых следов и сохраняет полную стерильность, но у нее есть одна уязвимость, которую невозможно зашифровать. Я отследила партию кое-каких товаров, ушедшую в Приморский край; оплата прошла через три фирмы-прокладки, но на сервере логистической компании случился сбой шифрования буквально на доли секунды, и мне этого хватило.

Приморский край на самом краю страны стал идеальной норой для лисы, пытающейся сбежать от гончих псов.

— Ты опасная женщина, Ника, — произношу тихо, почти шепотом, и слова эти звучат не как комплимент, а как признание поражения.

Она поворачивает голову, и в полумраке ее глаза кажутся двумя черными дырами, затягивающими меня без остатка, когда она отвечает с пугающим спокойствием:

— Я просто делаю свою работу.

В салоне становится невыносимо тесно, кислород стремительно выгорает, заменяясь тяжелым, густым эфиром взаимного притяжения, и хотя разум кричит, что я должен забрать данные и уехать, вместо этого задаю вопрос, который грызет меня с того самого момента, как я впервые открыл ее досье.

— Зачем тебе он?

Ника вздрагивает, не переспрашивая, потому что сразу понимает, о ком речь, и тихо отвечает:

— Это не касается дела.

— Мы партнеры, — протягиваю руку, касаясь кончиками пальцев ее подбородка, чувствуя бархатную горячую кожу, и с удовлетворением отмечаю, что она не отстраняется. — Я должен знать уязвимости своего партнера, ведь ты — самый сложный механизм, Ника, интеллект, от которого становится страшно, а он... он всего лишь примитивный и предсказуемый экземпляр. Зачем?

Она смотрит на меня с вызовом, но я вижу, как расширяются ее зрачки, выдавая истинную реакцию, когда она наконец признается:

— Потому что с ним спокойно, Руслан. Потому что я устала быть «мозгом» и хотела простоты: ужина в семь, выходных в Икее, предсказуемого завтрашнего дня, в котором можно спрятаться, как в коконе нормальности.

— И как? — наклоняюсь еще ближе, настолько, что могу пересчитать ее ресницы, и мой голос падает до хрипа. — Уютно тебе в этой нормальности?

— Ты сволочь, — выдыхает она, но в этом звуке нет злости, только безграничная усталость и тяга, с которой она больше не может бороться.

— Я практик, — парирую, не отводя взгляда. — Ты выбрала его, потому что боялась собственной тени и того, на что ты на самом деле способна, надеясь, что если окружишь себя серым бытом, то и сама станешь серой, но настоящую краску не смыть, Ника.

— Он предал меня, — ее голос ломается, становясь хрупким, как сухая ветка на морозе. — Продал мою безопасность и мой покой за деньги.

— Он идиот, — рычу, чувствуя, как со дна поднимается темная, густая ярость — не из-за самого факта предательства, а от мысли, что этот червь смел касаться ее. — Иметь такой алмаз и использовать его как стеклорез — это преступление против природы.

— Все меня используют: отец, муж, теперь ты, — она почти плачет, хотя глаза остаются сухими. — Я для вас всех — просто набор алгоритмов, полезный инструмент без души.

— Заткнись, — перехватываю ее за затылок, жестко и властно заставляя смотреть мне прямо в глаза. — Никогда не смей сравнивать меня с ними.

— А разве нет? — шепчет она с отчаянием. — Разве я здесь не потому, что нужна тебе для дела?

— Ты здесь, потому что я не могу тебя отпустить.

Слова падают между нами тяжелыми камнями и отрезают пути к отступлению, а я вижу свое отражение в ее глазах, где застыл образ потерявшего контроль и ставшего мне ненавистным человека.

Мой взгляд скользит к ее влажным, приоткрытым губам, ведь сейчас я одержим лишь жадой стереть память о ее муже, переписать ее историю и сделать ее своей, чтобы присвоить целиком и полностью.

Наклоняюсь к ней, уничтожая разделяющие нас миллиметры и вдыхая аромат мяты пополам с кофейной горечью, пока ее пальцы вдруг судорожно сминают лацкан моего пиджака и с силой притягивают меня навстречу срывающемуся шепоту.

— Ты обещал честность.

Честность.

Это слово ударяет меня, как пощечина, заставляя замереть на самом краю пропасти. Я чувствую ее жар, ее готовность, ее отчаянную потребность в защите, и с ужасающей ясностью понимаю, что прямо сейчас, скрывая правду, я являюсь худшим из ее врагов.

Медленно убираю руку, разрывая контакт, и холод моментально заполняет пространство между нами, словно кто-то открыл шлюз в ледяной космос. Ника моргает, выныривая из дурмана, и, будучи слишком умной, мгновенно считывает перемену в моем лице: как погас огонь, сменившись ледяной решимостью.

— Что? — в ее тоне появляется металл, возвращая на сцену холодного аналитика. — Почему ты остановился?

— Потому что я не он, — говорю глухо, глядя куда-то сквозь нее. — Я не ворую то, что мне не принадлежит, и не строю фундамент на гнилых досках.

Под ее сканирующим прищуром моя настойчивость, внезапно возникшее досье и жесткая реакция на предательство Артёма наконец соединяются, образуя в ее сознании пугающе уродливую картину.

— На гнилых досках... — повторяет она медленно, и ее лицо превращается в маску из белого мрамора. — Ты знал.

Фраза прозвучала не вопросом, а утверждением и бесповоротным приговором.

— Ника...

— Ты знал! — она отшатывается, вжимаясь в дверь, словно пытаясь слиться с ней. — Ты знал про Артёма не месяц назад, а давно.

Я смотрю в лобовое стекло, в непроглядную темноту, и произношу свой приговор:

— Три месяца.

Тишина, повисшая в салоне, звенит и давит на перепонки сильнее любого крика.

— Три месяца, — шепчет она с ужасом. — Три месяца ты смотрел, как я живу с крысой, как я сплю с ним, готовлю ему завтраки, пока он сливает меня Воронову, и ты молчал.

— Мне нужны были доказательства и рычаг, чтобы ты согласилась работать, когда придет время, — отвечаю, пытаюсь сохранить остатки профессионального цинизма.

— Рычаг... — она издает звук, похожий на смешок, но в нем нет ни капли веселья. — Ты ждал, пока я буду достаточно сломлена, чтобы прийти в роли «спасителя», ты позволил мне жить в грязи, чтобы потом купить меня по дешевке.

— Это война, Ника! — поворачиваюсь, пытаюсь перехватить ее взгляд. — Я защищал интересы семьи!

— А я думала, что мы... — она осекается, кусая губу до крови. — Я поверила, решила, что ты другой, что здесь есть уважение, а я просто очередной инвентарь в твоём списке.

— Это не так, — говорю твердо, но знаю, что мои слова звучат жалко, потому что началось все именно так. — То, что происходит сейчас... это не было частью плана.

Она смотрит на меня, и в этом взгляде умирает все: доверие, тепло, та искра, что могла разжечь пожар, оставляя после себя лишь мертвый лед.

— Ничего не происходит, — отрезает она голосом, лишенным эмоций. — Есть контракт. Я почти нашла Алину, сделка практически закрыта. Не смей... слышишь, никогда больше не смей ко мне прикасаться.

Ника хватается за ноутбук и дергает ручку двери, впуская внутрь шум города и сырость.

— Ника, постой...

— Лучше сдохнуть, чем быть рядом с тобой, — бросает она напоследок. — Ты хуже Артёма, Асланов: он просто трус, а ты — расчетливый ублюдок. И знаешь что? Твоя стратегия дала сбой.

Дверь захлопывается с тяжелым, глухим звуком, ставя финальную точку в нашей партии.

Я остаюсь один, глядя, как ее прямая, негибкая фигура удаляется прочь, унося с собой не только информацию, но и ту часть меня, которая впервые за годы захотела чего-то для себя лично.

Бью ладонью по рулю, и боль отрезвляет, возвращая меня в реальность: партия подходит к концу, я практически получил координаты и выиграл ферзя, но скоро потеряю королеву, потому что она просто уехала. Она уехала за горькой и окончательной правдой.

Глава 7

НИКА

Дождь лупит по крыше моего старого «Гольфа», как пулеметная очередь, пытаясь пробить металл и добраться до меня. Вжимаю пальцы в оплетку руля с такой силой, что кожа скрипит, и смотрю сквозь лобовое стекло. Красные стоп-сигналы ночной Москвы размазываются по триплексу, похожие на вскрытые артерии города.

Внутри звенит вакуум той самой оглушающей тишины после детонации, когда перепонки лопнули, а мозг еще не осознал превращения тела в фарш.

Признание о трех месяцах его молчания зациклилось в моем мозгу подобно битому сектору на жестком диске. Ненавижу его до зубовного скрежета за этот ледяной цинизм и за позволение мне жить в грязи под его пристальным надзором. Он наблюдал за мной с бесстрастным интересом энтомолога и просто ждал моего полного краха ради возможности купить меня по дешевке.

Но еще больше я ненавижу себя. Потому что мой проклятый аналитический ум выдает единственный верный результат: он прав.

Я Вероника Соколова, королева кода и техномаг, способный положить банковскую систему страны еще до того, как остынет кофе в моей кружке. Мне ничего не стоит найти дыры в самых защищенных серверах мира или обнаружить бэкдоры там, где их быть не должно. Но я упорно отказывалась признавать свою собственную жизнь сплошной уязвимостью нулевого дня, для которой не существует никакого патча.

Мотор кашляет и оживает с третьей попытки. Мне нужно домой. В мою тихую гавань. К моему «безопасному» мужу. Мне нужны визуальные доказательства, чтобы добить ту жалкую надежду, которая все еще скулит внутри.

Квартира встречает запахом дорогого кондиционера для белья и идеальным, тошнотворным порядком. Здесь всё как в каталоге: бежевые тона, скандинавский минимализм, ни пылинки. Мертво. Как в операционной перед тем, как пациент умрет на столе.

Раньше мне казалось, что это уют. Сейчас я вижу декорации дешевого ситкома, который закрывают из-за низких рейтингов.

Прохожу в гостиную, не разуваясь. Грязные, мокрые подошвы армейских ботинок оставляют жирные черные следы на светлом ламинате. Пусть. Хочется испачкать здесь всё. Разорвать эту глянцевую картинку, уничтожить ложь.

Артёма нет. Естественно.

«Задержался на совещании», «проект горит», «буду поздно, котенок».

Я глотала эти оправдания годами, запивая энергетиками и собственной слепотой. Я была так занята, строя из себя нормальную женщину, что забыла включить элементарную логику.

Швыряю сумку на диван и вцепляюсь в ноутбук. Мелкая дрожь мгновенно исчезает, стоит пальцам ощутить привычный холод клавиш. В этом куске железа и микросхем сплелись мой виртуозный рояль, мой убойный автомат Калашникова и моя единственная настоящая власть.

— Ну давай, Тёма, — слова царапают гортань, будто я курила «Приму» без фильтра последние лет десять. — Посмотрим, какой у тебя «проект».

Вскрыть его облако удастся за тридцать секунд, и этот процесс напоминает не взлом, а плевок в лицо самой идее безопасности. Унизительно простым паролем оказывается дата нашей свадьбы.

Как мило. Как банально. Как оскорбительно просто. Он даже не удосужился придумать комбинацию сложнее, уверенный, что его «глупая хакерша» слишком лояльна, чтобы проверять.

Запускаю скрипт геолокации. На экране разворачивается карта Москвы. Зеленая точка пульсирует, издеваясь.

Она не в Москва-Сити. И не в офисе на Садовом.

Точка замерла на Балчуге. Отель «Балчуг Kempinski». Пять звезд. Вид на Кремль. Люкс для особых случаев.

Смотрю на экран, и меня накрывает не боль, а холодная, липкая тошнота. Вспоминаю, как мы экономили на отпуске несколько месяцев назад, потому что «сейчас сложный период в бизнесе, Ника, нужно затянуть пояса». Вспоминаю, как я паяла старый ноутбук вместо покупки нового, потому что «нам нужно откладывать».

А он спускает наш бюджет на люкс с видом на Кремль, чтобы трахать там кого-то другого.

Захлопываю крышку ноутбука с хрустом, словно ломаю кому-то шейные позвонки.

Дорога выпадает из памяти. Я ехала на автопилоте, нарушая все мыслимые правила, ведо-мая лишь яростью и желанием увидеть финал этого спектакля.

Заглушив фары на парковке напротив отеля, я растворяюсь в сумраке салона и становлюсь безмолвным призраком внутри механизма.

Усилившийся дождь превращает Москву в размытую акварель и смывает уличную пыль, но ему не под силу вытравить грязь из меня. Я чувствую ее под кожей, где предательство Артёма подобно вирусу или скрытому трояну методично переписывает мой ДНК и превращает меня в озлобленное, жалкое существо.

Час ночи. Вращающиеся двери отеля приходят в движение.

Швейцар распахивает над тротуаром огромный черный зонт, и под его защиту тут же выходят они.

Артём выглядит... довольным. На нем тот самый темно-синий костюм, который я заби-рала из химчистки на прошлой неделе. Он смеется. Я вижу, как двигаются его губы, вижу эту расслабленную, сытую улыбку хищника, который только что плотно поел. Эту улыбку он дарил мне когда-то. До того, как я стала для него удобной мебелью.

В опасной близости от него замерла она.

Передо мной вовсе не секретарша, а Кристина, младший менеджер из отдела маркетинга. В свои двадцать два года она сочетает бесконечные ноги и пустую голову с хищными амбици-ями пираньи. Еще на новогоднем корпоративе девица смотрела на Артёма как на божество и жадно ловила каждое его слово.

Он придерживает её за талию. По-хозяйски. Уверенно. Его рука скользит чуть ниже, на бедро, сжимая ткань платья, и она прижимается к нему, хихикая и нашептывая что-то на ухо.

Они останавливаются у такси. Артём наклоняется и целует её.

Не в щеку. Не на прощание.

В губы. Долго, влажно, жадно. Не стесняясь ни швейцара, ни прохожих, ни Бога, ни черта.

Внутри лопается стальной трос, удерживающий лифт над пропастью.

Я не хочу выскакивать из машины и устраивать скандал, не хочу бить ему лицо, цара-пать кузов или выдирать ей нарощенные волосы. Подобные страсти слишком человечны и нор-мальны для меня, ощущающей себя сейчас лишь механизмом с выгоревшим главным предо-хранителем.

Смотрю, как они садятся в такси. Артём галантно открывает ей дверь. Рыцарь, мать его, в сияющих доспехах.

Желтая машина уезжает, растворяясь в потоке красных огней.

Я остаюсь одна.

В салоне холодно, изо рта идет пар, но меня бросает в жар. Смотрю на свои руки, лежащие на руле. Тонкие пальцы, облупившийся черный лак, татуировка с двоичным кодом на запястье.

Trust no one.

Никому не доверяй. Это было написано на моей коже, выжжено в мозгу. И я, идиотка, нарушила единственное правило, которое позволяло выживать.

— Дура, — шепчу в пустоту, и по щеке катится горячая капля. Она обжигает кожу кислотой. — Какая же ты дура, Ника.

Я пыталась спрятаться в нормальности. Пыталась стать обычной женой, варить борщи, ждать мужа с работы, обсуждать цвет штор. Я предала саму свою суть ради иллюзии безопасности. И вот цена.

Я не могу вернуться в ту квартиру. Я сожгу её вместе с домом, если переступлю порог. У меня нет никого.

Алина исчезла. Артём умер для меня окончательно пять минут назад. Отец спился.

Я одна во всем гребаном мире.

Взгляд падает на телефон, лежащий на пассажирском сиденье. Экран темный, как мое будущее.

Есть один человек.

Тот, кто знал правду и сжимал её в руке подобно заточке, безжалостно заявил мне в лицо, что я драгоценный алмаз.

Глава 8

РУСЛАН

Дождь не стихает, барабанит по крыше моего внедорожника, заглушая все звуки, кроме глухого стука в груди. Ника сидит рядом, свернувшись в комок и прижавшись к двери, словно пытаясь раствориться в металле. Её волосы, мокрые и растрепанные, прилипли к щекам, тушь размазана, но даже сквозь этот беспорядок я вижу её глаза. Они не просто заплаканные, а опустошённые, словно выжженное поле после пожара. И в этой пустоте я вижу отражение своей собственной души, которую так тщательно прятал за стенами цинизма и расчёта.

Завожу двигатель. Мотор урчит, обещая движение, но мы стоим. Я смотрю на неё, на эту хрупкую, сломленную женщину, которая только что выбрала меня, дьявола, отвергнув иллюзию безопасности. И впервые за долгие годы чувствую не торжество, не удовлетворение от очередной просчитанной комбинации, а странную, обжигающую смесь вины и... того, что я не позволял себе чувствовать с тех пор, как потерял ту девушку, которую любил.

— Ты дрожишь, — констатирую, и слова выходят непривычно мягко, даже для меня самого. Чёрт, Асланов, ты что, разучился быть собой?

Ника не отвечает, лишь сильнее вжимается в сиденье. Протягиваю руку, касаюсь её плеча. Кожа ледяная. Мои пальцы невольно стискивают её, пытаюсь передать хоть немного тепла.

— Тебе нужно согреться.

Отъезжаю от отеля, оставляя позади её разрушенную жизнь. Мы едем по ночной Москве, и каждый фонарь, каждая неоновая вывеска кажется мне издевательством над её болью. Я не включаю музыку, не пытаюсь заговорить. Просто еду, чувствуя, как её дрожь передаётся мне, проникая под кожу, заставляя мои собственные нервы натягиваться до предела.

Моя квартира встречает нас тишиной и полумраком. Я не люблю яркий свет, он слишком много обнажает. Включаю приглушенное освещение, бросаю ключи на консоль.

— Горячий душ и сухая одежда. Или ты предпочитаешь остаться в мокрой? Мои предпочтения иные, но я готов рассмотреть варианты.

Ника стоит посреди гостиной, словно потерянный ребёнок, оглядываясь по сторонам. Мой пентхаус не имеет ничего общего с её уютной, но фальшивой квартирой. Здесь нет бежевых тонов и скандинавского минимализма. Здесь царит тёмное дерево, кожа, металл. Книжки, разбросанные по столам, картины, которые не каждый поймёт. Убежище, моя крепость, куда я никого не пускал до сегодняшнего дня.

— Я... я не могу, — её голос едва слышен, хриплый. — Мне нужно... мне нужно понять.

Я подхожу к ней, останавливаясь в шаге. От неё пахнет дождём, страхом и чем-то ещё, что заставляет меня напрячься. Она смотрит мне в глаза, и я вижу, как в них медленно разгорается огонь.

— Что понять, Ника? Что твой муж — лжец и предатель? Что я знал об этом? Что я использовал тебя? Всё это ты уже знаешь. Или ты ждёшь, что я начну извиняться? Не дождёшься.

Ника поднимает на меня глаза, и в них вспыхивает нечто похожее на гнев. Хорошо. Гнев всегда предпочтительнее пустоты. Именно он способен вдохнуть жизнь.

— Ты знал, — это не вопрос, но обвинение, пропитанное горечью. — Ты знал, что он изменяет мне. Знал, что он связан с Вороновым. И ты молчал. Ты наблюдал, как я живу в этой лжи, как я пытаюсь построить нечто... нормальное. Почему? Ты наслаждался этим?

Делаю глубокий вдох. Вот он, решающий момент. Момент, когда я должен солгать или сбросить маску. И я выбираю второе. Потому что она заслуживает правды. Моей правды. И потому что я больше не могу держать это в себе.

— Потому что ты была пешкой в игре Воронова, Ника. Через Артёма. Ты была уязвимостью, которую я не мог контролировать. Я не мог просто прийти и сказать тебе: "Твой муж — дерьмо, а ты — инструмент в чужих руках". Ты бы не поверила. Или поверила бы, но сбегала, а мне нужна была ты. Твои мозги и навыки. Мне нужна была ты, чтобы найти Алину. И чтобы защитить Сергея. И, чёрт возьми, я не собираюсь извиняться за то, что делаю свою работу.

Я вижу, как её лицо искажается от боли. Мои слова режут её, но я не могу остановиться. Я должен выжечь из неё эту наивность.

— Я наблюдал за тобой, твоей жизнью и браком. Я видел, как ты пытаешься быть "нормальной". И видел, как ты ломаешься. Я ждал, когда ты дойдёшь до предела, когда ты будешь готова принять любую правду. Даже ту, что разрушит твой мир. Признаюсь, чертовски увлекательно.

— И ты дождался, — её голос дрожит, но в нём уже чувствуется сталь. — Ты дождался, когда я буду полностью сломлена, чтобы подобрать меня, словно падальщик. Или хищник, который ждёт, пока жертва ослабнет.

Делаю ещё один шаг, сокращая расстояние. Теперь мы стоим так близко, что я чувствую тепло её тела, несмотря на холод. Мои глаза скользят по её губам, по влажной коже.

— Я дождался, когда ты будешь готова сражаться. Когда ты будешь готова выбрать войну. Потому что только тогда ты сможешь выжить в моём мире. В нашем мире. Падальщики... они не выбирают.

Протягиваю руку, касаюсь её щеки. Кожа всё ещё холодная, но под ней я чувствую пульс, бьющийся часто и сильно. Мой большой палец невольно поглаживает её скулу.

— Я не буду лгать тебе, Ника. Я манипулировал тобой и использовал тебя. Но я говорил правду, когда сказал, что ты гений. И я говорил правду, когда сказал, что ты мне нужна. И, поверь, я говорю это не часто.

Она изучает моё лицо, пытаясь найти ложь, но я не прячусь. Я открыт перед ней, как никогда прежде. Моё сердце колотится в груди, отбивая ритм этой опасной игры.

— А о чём ещё ты говорил правду? — шепчет она, и её слова обретают опасную нотку, которая заставляет меня напрячься.

Смотрю ей прямо в глаза, не отводя взгляда.

— Я говорил правду, когда сказал, что ты боишься себя. Боишься того, кем ты можешь быть. И я говорил правду, когда сказал, что твои мозги — не единственная причина, по которой я хочу быть рядом.

Её дыхание становится прерывистым. Я вижу, как её взгляд вспыхивает огнём, вытесняя пустоту. Не гнев. Нечто иное... дикое, первобытное. Желание.

— Ты... ты хочешь сказать... — она запинается, пытаясь найти слова, но её взгляд уже говорит всё.

— Я хочу сказать, что ты зацепила меня, Ника, — мой голос становится низким, почти рычащим. — С первого взгляда. С первого слова. Ты вызов. Загадка. Ты — единственная, кто заставил меня потерять контроль. И меня это бесит. И... притягивает, словно чёртова гравитация.

Наклоняюсь, сокращая последние сантиметры. Её глаза расширяются, но она не отстраняется. Я чувствую её жаркое дыхание на своих губах, её запах, смешанный с дождём и отчаянием. Мои пальцы скользят по её шее, большой палец касается пульсирующей жилки.

— Я не рыцарь, Ника, и не спаситель. Я тот, кто играет по своим правилам. И если ты останешься, ты будешь играть по ним со мной. Без поблажек и жалости.

Её рука поднимается, касается моей щеки. Её пальцы холодные, однако их прикосновение обжигает. Её взгляд прикован к моим губам.

— Я знаю, — шепчет она, и в её словах нет ни тени сомнения, лишь чистая, дикая решимость. — Я выбираю войну с тобой.

И она целует меня.

Поцелуй отчаяния, ярости, вызова. Её губы холодные, однако внутри горит огонь, способный сжечь всё дотла. Она впивается в меня, будто пытаюсь вырвать из меня всю правду, всю боль, всю страсть, всю мою чёртову душу.

Отвечаю ей с такой же силой, с такой же жадностью и первобытной потребностью. Мои руки обхватывают её талию, притягивая к себе, пока между нами не остаётся ни миллиметра, пока наши тела не сливаются в единое целое. Чувствую её тело, её дрожь, её огонь, её вкус – горький от слёз и сладкий от желания.

Когда мы отрываемся друг от друга, её глаза пылают, а губы припухли и покраснели.

— Ты уверена? — мой голос звучит низко, опасно. Я даю ей последний, чёртов, шанс. — Это не игра, Ника. Обратного пути нет. Ты будешь моей, и я не отпущу.

Она смотрит на меня, и в её взгляде видны только решимость и одержимость, которую я часто вижу в зеркале.

— Уверена, — её голос обретает стальную твёрдость. — Я выбираю тебя, Руслан, со всеми твоими демонами. И со всеми моими. И я не отступлю.

Ухмыляюсь хищно и торжествующе.

— Тогда добро пожаловать в ад, Ника. Надеюсь, ты любишь огонь.

Подхватываю её на руки. Она обвивает меня ногами, прижимаясь всем телом, её пальцы впиваются в мою шею, зарываясь в волосы. Её губы снова ищут мои, и я отвечаю ей, унося в душ.

Глава 9

НИКА

Мир переворачивается, пол уходит из-под ног, и в этой вращающейся вселенной единственной точкой опоры становятся его твердые и горячие руки. Они держат меня так, словно я редкий артефакт, вырванный у конкурентов, или, может, бомба, чей таймер вот-вот обнулится. Я не сопротивляюсь. Во мне не осталось сил, только гудящая пустота и отчаянная жажда заполнить её чем-то настоящим, пусть даже болью.

Руслан не несёт меня в спальню. Пинком распахивает дверь в ванную, и нас встречает холодное и безупречное пространство, как он сам до этой ночи, из чёрного мрамора и хрома. Он не ставит меня на пол. Заносит меня прямо в просторную душевую кабину, как мой личный ад или рай, и ударяет ладонью по смесителю.

Сверху обрушивается ливень, горячие струи которого ощущаются потоком кипятка, обжигающим кожу и заставляющим гореть лёгкие. Под этим беспощадным водопадом я вдруг понимаю, что он смывает с меня не просто дорожную грязь, а всю плотную, липкую паутину лжи, в которой я жила все годы.

— Смой его с себя, — выдыхает он мне в губы, его голос перекрывает шум воды. — Весь этот мусор. Каждый день твоей фальшивой жизни.

Его руки не знают жалости. Ткань моей блузки трещит, пуговицы разлетаются мелкими осколками. Мне плевать. Я хочу содрать с себя эту оболочку «примерной жены», в которой задыхалась. Но когда он доходит до моих мокрых джинсов-скинни, даже его всемогущество даёт сбой. Он дёргает раз, другой. Ткань прилипла насмерть.

Не выдерживаю и фыркаю, поднимая на него мокрый, размазанный взгляд.

— Похоже, даже ты не можешь взломать этот деним, Асланов.

Секундное, почти мальчишеское удивление в его глазах вспыхивает и тут же тонет в тёмном, хищном веселье. Уголок его рта дёргается в ухмылке, которая не обещает ничего хорошего. Или, наоборот, обещает слишком много. Он не отвечает на мой немой вызов. Он его принимает.

Его пальцы, как стальные когти, впиваются в плотную ткань моих джинсов чуть ниже пояса, и с коротким, рвущимся треском деним сдаётся. Ещё одно движение, и одежда вместе с последним клочком иллюзии приличия, тонким кружевом белья, оказывается у моих лодыжек. Бескомпромиссное, грубое решение. Асланов в чистом виде.

Абсолютно нагая, я стою перед ним в облаке пара, и по коже бегут не только капли конденсата, но и волны дрожи, рождённой не прохладой, а его взглядом. Он скользит по изгибу бедра, задерживается на стилизованной сове на моём плече, не пропускает ни одной родинки, ни одного шрама, будто считывает мою биографию, написанную на коже.

Его взгляд проникает глубже, под рёбра, в самые защищённые архивы души, где хранится всё, что я так отчаянно прячу. Увиденное его не пугает, не отталкивает. Оно зажигает в глубине его тёмных глаз голодный азарт собственника, получившего полный, неограниченный доступ к системе, которую он считал неприступной.

Руслан делает шаг, сокращая последнюю дистанцию между нами, и одним плавным, неумолимым движением вдавливая меня спиной в мокрую стену душевой. Ледяной шок отполированного до зеркального блеска чёрного мрамора заставляет меня выдохнуть сквозь сжатые зубы.

Холод впивается в лопатки, в позвоночник, в поясницу, создавая оглушительный контраст с обжигающим жаром его тела, прижатого ко мне вплотную. Его грудь давит на мою, жёсткая ткань его рубашки царапает соски, а его бёдра властно впечатываются в мои. Воздух

исчезает, оставляя лишь запах его парфюма, смешанный с запахом воды и моего собственного, внезапно разбуженного желания.

— Посмотри на меня, Ника, — приказывает он, перехватывая мои запястья и фиксируя их над головой одной рукой. — Ты выбрала реальность? Вот она.

Я смотрю, как замирает мир, сведенный к точке, где его пальцы касаются моей кожи. Его свободная рука медленно, почти лениво, скользит вниз по моему животу, и каждое движение его ладони ощущается не столько лаской, сколько безмолвным утверждением права.

Теплая, чуть шершавая ладонь, знавшая и оружие, и шелк, посылает не просто разряд, а медленный, тягучий жар, который затапливает все под кожей, заставляя мышцы живота непроизвольно напрячься.

Разум кричит, что это ловушка, что каждое его движение — просчитанный ход, но тело отвечает на эту тихую власть глухим, животным гулом вожделения, предавая меня с потрохами.

— Ты моя, — шепчет он, и это звучит как неоспоримый факт. Его пальцы находят цель — горячую, влажную, пульсирующую точку между моих ног.

Рванный, почти звериный стон срывается с губ, когда он, не тратя времени на прелюдии, которые в нашем мире звучат как ложь, резко и глубоко входит в меня пальцами. Его движения властные и выверенные, словно он не просто ласкает, а создаёт новую меня, играя на моих нервных окончаниях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.